

ГЛАВА III

ГОДЫ НУЖДЫ И СКИТАНИЙ

Огромное напряжение всех физических и интеллектуальных сил Плеханова, увы, не прошло даром. Незаметно к нему подкралась тяжелая, перешедшая затем в хроническую болезнь — туберкулез. Плеханов начал подозрительно покашливать еще в 1883 г. Настораживало и то, что родители его умерли от чахотки (в 1922 г. та же участь постигла и сестру Георгия Валентиновича, Варвару). Но поглощенный работой Плеханов и слышать не хотел о докторах. С большим трудом жене удалось заставить его показаться тогдашней женеvской знаменитости, профессору Цану, который не нашел, однако, у больного ничего серьезного и посоветовал бросить курить (что он и сделал), больше бывать на воздухе и хорошо питаться. Но выполнить эти рекомендации было тогда очень трудно: говорить с Плехановым об отдыхе было бесполезно, а в материальном отношении семья Плехановых стояла буквально на грани нищеты.

На протяжении первых двух лет эмиграции Розалия Марковна получала от отца ежемесячную помощь в размере 50 руб., однако затем отношения между ними были прерваны: Марк Соломонович Боград проклял дочь, променявшую родных и свою религию на русского мужа-безбожника, да вдобавок еще и революционера, и вплоть до 1908 г. прекратил с ней всякие отношения. Постоянного заработка у Р.М.Плехановой тоже не было: иногда она дежурила по ночам у постели больных или переписывала какие-нибудь бумаги, но платили за это мало. Кроме того, ей приходилось разрываться между учебой (без диплома работать врачом было нельзя) и двумя маленькими дочками — Лидой и родившейся в июле 1883 г. Женей.

Сам Георгий Валентинович порывался писать для какой-нибудь солидной газеты или для всемирного географического словаря, который редактировал бывший парижский коммунаp, географ и социолог Элизе Реклю, близкий одно время к Бакунину. Но Розалия Марковна категорически воспротивилась этому, опасаясь, что муж начнет размениваться на мелочи и не сможет безраздельно отдаваться главному делу своей жизни — революции. В итоге семья буквально не вылезала из долгов, и если бы не молоденькая служанка Филомена Боссети, всем сердцем привязавшаяся к Плехановым и их детям, — им, вероятно, пришлось бы совсем туго.

О том, как жили тогда Плехановы, можно судить по письму Георгия Валентиновича Аксельроду, относящемуся к лету 1885 г.

«Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть, — не знаем, да и знать не можем. Плохо! Ну, да унывать не нужно. Авось, еще нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно, — это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева (в письме шла речь о положении дел в революционных кругах Петербурга. — С.Т.). Если так, то наша беда — еще полбеды... Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же, мы еще расцветем и поедим с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству (к Ф.Энгельсу. — С.Т.)»¹.

Сам Аксельрод, который жил с семьей в Цюрихе, зарабатывал на жизнь изготовлением входившего тогда в моду кефира и не раз оказывал Плеханову материальную помощь. Кстати говоря, «кефирное заведение» требовало от него так много времени и сил (бутылочки с кефиром нужно было периодически встряхивать, в том числе и ночью), что его нервная система оказалась совершенно расшатанной. Более чем скромно жила и В.И.Засулич, но ей было несколько проще в том отношении, что после ареста в начале 1884 г. Льва Дейча она жила одна и могла свести свои расходы к минимуму.

Каждому, кто приходил к Плехановым, — а жили они тогда в маленькой квартирке (две комнаты и кухня) на окраине Женевы, — бросалась в глаза бедность обстановки: простые деревянные столы без скатертей, несколько стульев, железные кровати, прикрытые дешевыми одеялами. Единственным богатством Георгия Валентиновича были книги, расставленные на полках, которые висели вдоль стен. Здесь была литература по самым разным вопросам — по геологии, астрономии, истории, философии, множество статистических сборников.

Помимо литературной работы, Плеханов довольно часто выступал в то время и в качестве лектора. Так, в конце 1886 — начале 1887 г. по просьбе русских и болгарских студентов, приехавших на учебу в Женеву, он прочитал сначала цикл лекций о «Капитале» Маркса, а затем провел второй лекционный курс о развитии различных общественных форм. Встречи со студентами проходили в кафе Ландольта на улице Каруж. Плеханов стремился прежде всего к доступности изложения для слушателей, среди которых были люди с самой различной подготовкой. Все, кому довелось бывать на этих занятиях, сохранили о них самые теплые воспоминания. Лучшей наградой лектору было то, что многие его слушатели стали потом социал-демократами.

¹ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 21.

В 1886 г. опасно заболела Розалия Марковна, а затем обе девочки. Тогда глава семьи отправился в Кларан, где останавливались богатые русские туристы и можно было найти уроки. Зарабатывая 200 франков (80 руб.) в месяц, Г.В.Плеханов три четверти этой суммы отправлял семье. Нужда еще больше подорвала и без того расстроенное его здоровье. В начале апреля 1887 г. во время поездки на пароходе по Женевскому озеру из Кларана в Женеву он сильно простудился и по возвращении в Кларан слег с температурой 40°. Шесть недель Плеханов был между жизнью и смертью. Врачи обнаружили скоротечную чахотку, которая через два-три месяца должна была, по их мнению, привести к летальному исходу.

Сам же Плеханов, наоборот, был уверен, что будет жить. И действительно он выжил. На долечивание врачи отправили его в маленькую горную деревушку Морнэ на швейцарско-французской границе. Поскольку Р.М.Плеханова не могла сопровождать мужа, занятая уходом за детьми и подготовкой к очередным экзаменам, вместе с Георгием Валентиновичем в Морнэ поехала В.И.Засулич. Ее забота и внимание в сочетании с целительным горным воздухом, простой и здоровой пищей сотворили чудо: Плеханов поправился.

Р.М.Плеханова вспоминала: «Вера Ивановна вкладывала столько любви, привязанности и умения, что можно без преувеличения сказать, что если Георгий Валентинович вышел победителем из этой борьбы со страшным недугом, то в значительной степени благодаря этой замечательной женщине, которая была героиней не только в борьбе политической, но была полна самых глубоких личных чувств. Она любила своего друга и учителя и не жалела ни сил, ни времени в уходе за ним»¹. Что касается самой Розалии Марковны, то она приезжала в Морнэ сначала ежедневно, а потом, когда муж стал поправляться, — дважды в неделю, привозя продукты, спирт (еду готовили на спиртовке), кофе.

Как вспоминала потом сама Засулич, ей пришлось в то время очень нелегко. Никакой прислуги не было, жила она на кухне, спать приходилось мало. Плеханов же был очень требователен, раздражителен, все время что-то выдумывал, чтобы облегчить свои страдания, а когда ему становилось немного лучше, просил что-нибудь почитать или рассказать ему². Многие современники тех событий считали, что в основе отношений Веры Ивановны к Плеханову лежали не только искреннее восхищение его умом и талантом, но и любовь. Так, сестра Ю.О.Мартова, Лидия Цедербаум-Дан, общавшаяся с Плехановым и Засулич в «искровский» период, писала потом, что Вера Ивановна вела себя с Георгием Валентиновичем, как женщина, влюбленная в первый раз. Не знаю, были ли они близки, продолжала мемуристка, но Засулич готова была «вывер-

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 332.

² Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1924. Сб. 1. С. 201.

нуться для него наизнанку», физически не могла слушать критические высказывания в его адрес и была совершенно беззащитна перед ним, хотя часто и не соглашалась с его мнением¹.

Плеханов всегда скрывал свои истинные чувства к Засулич под маской легкой дружеской иронии и вел себя с ней несколько покровительственно, как это нередко бывает между старшим братом и младшей сестрой (хотя в действительности он был на семь лет моложе нее). Интересен в этом плане эпизод, описанный Н.В.Валентиновым и относящийся к 1917 г., когда после долгого перерыва Плеханов и Засулич встретились в Москве. Валентинов долго упрашивал Веру Ивановну разрешить ему сфотографировать ее на память, но она решительно отказывалась. Подошедший к ним Плеханов вмешался в разговор: «Вера Ивановна вам не позволяет ее сфотографировать? Ну, я вам объясню почему. В молодости, например, когда Вера Ивановна стреляла в Трепова, она была очень красива. Нужно думать, что это счастливое обстоятельство сыграло какую-то роль и в ее оправдании на суде. В глазах потомства она желает остаться такой же красивой, как в то время, когда за нею ухаживали Нечаев, Клеменц, а потом весьма многие иные. Поэтому фотографировать ее, когда она стала старой, она не позволяет».

Не знаю, продолжает Валентинов, какие у них были отношения, когда Засулич «была очень красивой». Возможно, что, говоря о «многих иных», Плеханов хотел намекнуть, что тоже был в числе ее поклонников. Так или иначе, Засулич вдруг вспыхнула, рассердилась и сказала: «Вы чепуху несете! А чтобы доказать, что я не думаю о сохранении в памяти потомства того вида, какой я имела в 1877 г., я позволяю Валентинову с меня, седой и морщинистой старухи, сделать столько снимков, сколько он захочет»².

Не будем строить здесь никаких догадок и «со знанием дела» рассуждать о личной жизни наших героев. В конце концов они тоже имеют право на свои тайны. Не знаем мы, и что стояло за ласковыми и нежными обращениями, которые встречаются в письмах Засулич к Плеханову: милый Жорж, Жоржик, Жоржинька... Это могла быть и дружба, и взаимная любовь, и глубокое, но неразделенное чувство. Как бы то ни было, Вера Ивановна просила похоронить ее рядом с Плехановым, и воля ее была исполнена.

Р.М.Плеханова считала Веру Ивановну Засулич «крупной в нравственном и умственном отношении» фигурой. «По своему широкому философско-литературному образованию и большому самостоятельному уму, Вера Ивановна составляла редкость среди женщин нашего революционного движения. Интерес к философии вызвал у Веры Ивановны Плеханов. В этой области он был одновре-

¹ The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past. Cambridge, Mass., 1987. P. 110, 126.

² Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 193–194.

менно ее учителем и сотоварищем. Как учитель, Георгий Валентинович часто восхищался способностями к отвлеченной мысли, блеском и оригинальностью своей ученицы. Некоторые «наблюдатели», — иронически замечает далее Розалия Марковна, — говорят о подчиненности Веры Ивановны Плеханову, даже о «рабстве» ее. Это просто смешно! Ни с кем Георгий Валентинович так не считался, как с ее мнением, во все революционные этапы своей жизни. Говорить о смущении ее перед Плехановым, о боязни в его присутствии высказать свое мнение — это значит совершенно не понимать сути их отношений друг к другу и нравственного образа Веры Ивановны»¹.

Ухаживая за больным Плехановым, Засулич вскоре и сама заболела туберкулезом, хотя и в более легкой форме. При этом и Плеханов, и Засулич никогда не считали температуру в 38 и даже 39° помехой своим литературным занятиям. Вера Ивановна, например, говорила: «Ну, что температура? Я даже лучше себя чувствую при высокой температуре. По-моему, человек, имеющий менее 38°, — не человек. Я буду часто пить «рыженькое лекарство», и все пройдет». «Рыженьким лекарством» она называла удачно составленную Р.М.Плехановой микстуру, которая помогала ей при кашле. Часто пользовался ею и Плеханов².

Окончательно победить болезнь Плеханову так и не удалось, хотя эффект от лечения в горах был поразителен: недаром врачи говорили, что их пациент как будто явился с того света. Осенью 1888 г. Георгию Валентиновичу опять стало плохо, и В.И.Засулич с тоской и болью писала С.М.Кравчинскому: Плеханову все хуже и хуже, он худеет и худеет, ничего не требует, почти не ест³. Подобные кризисы, хотя и в смягченной форме, периодически повторялись весной и осенью и позднее. Поэтому Плеханов вынужден был соблюдать строгий режим. Но работал он по-прежнему много, умело регулируя характер своих занятий в соответствии с состоянием здоровья. При высокой (больше 39°) температуре он читал стихи и беллетристику, при средней (38° и даже выше) — книги по искусству или этнографические материалы, а при небольшой лихорадке не только читал, но и писал без всяких скидок на неважное самочувствие⁴. Трудиться не по вдохновению, а систематически, изо дня в день — таков был его жизненный девиз. Во время болезни Плеханов смог на деле убедиться в том, что у него есть настоящие, преданные друзья. Трудно переоценить значение той материальной помощи, которую оказал ему в 1887–1888 гг. Сергей Кравчинский, одолживший деньги для лечения Плеханова у одного

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 95–96.

² Там же. С. 89–94.

³ Там же. Сб. 1. С. 200–201.

⁴ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

либерально настроенного англичанина. Благодаря этим денежным переводам из Лондона Георгий Валентинович смог провести несколько месяцев в курортных поселках Давос, Божи, Аннемас, Морнэ, поскольку зимой и в межсезонье женеvский климат был ему вреден. Однако и помощь Кравчинского не спасала от острого безденежья. Нельзя оставаться равнодушным, читая письмо Плеханова Аксельроду от 30 апреля 1888 г.: «Милый Павел, не удивляйся, что в этом письме не будет ничего насчет статьи. Я спешу, ибо боюсь опоздать к поезду почтовому. Голубчик, как хотите, откуда хотите, но достаньте мне денег или, лучше сказать, не мне, а моей семье. Не могу я лечиться, когда семья *буквально* голодает. Жду со дня на день денег от Сергея, но их пока нет, а жить нужно каждый день. Вы сделали бы мне истинное благодеяние, если бы достали 100 фр. и послали их на адрес Розы... Если этого нельзя, — пошлите сколько можно, но, ради Бога, сделайте это. Отвечайте»¹.

В конце 1888 г. в Швейцарии был получен денежный перевод на 90 фр. от русских рабочих, эмигрировавших в Америку. В связи с этим Плеханов писал Аксельроду, что перевод поможет ему расплатиться с хозяйкой за комнату в Кларане и помочь семье, которая жила в Женеве. «Вы, как семейный человек, прекрасно понимаете, что я был бы последним негодяем, если бы, занимаясь восстановлением своего здоровья, предоставил бы свою семью произволу судьбы. До сих пор это почти так и было (т.е. нынешней осенью). ...Роза существовала благодаря ночным дежурствам у одной больной еврейки по 5 фр. за ночь. Это всего 10 фр. в неделю, да и еврейка скоро умрет. Кроме того, остались у меня еще некоторые долги в Морнэ. Ну, да Вы понимаете. Не замедлите, голубчик, высылкой денег...»²

Интересный факт сообщил Д.Б.Рязанов (Гольдендах). По его словам, в 1888 г. в Одессе, где первые издания группы «Освобождение труда» отнюдь не встречали дружественного приема, тем не менее весьма усердно собирали деньги, чтобы послать их в Женеву «на лечение Плеханова, о состоянии здоровья которого доходили зловещие слухи»³.

В 1888 г. группа «Освобождение труда» совершенно неожиданно получила щедрую по тем временам помощь (1 тыс. руб.) от приехавшего за границу слепого адвоката Н.И.Кулябко-Корецкого, задавшегося целью наладить издание журнала, который объединил бы все направления внутри либерального и революционного лагеря. При этом он не скрывал своего искреннего восхищения Плехановым — блестящим, талантливым, вернее даже гениальным, по его словам, ученым, который жил в нищенской обстановке, не имея

¹ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 1. С. 42—43.

² Там же. С. 51.

³ Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 4.

временами даже возможности утолить голод. «Доживет ли он до того дня, когда рабочий класс России почтит в нем своего пророка, своего духовного вождя? Люди, в десять раз менее талантливые, устраивались комфортабельно и сытно, а он случайно заблудившую к нему горсть франков тратил на печатание новых и новых сочинений, игнорируя порой самые насущные требования повседневной жизни», — писал о Плеханове Кулябко-Корецкий¹.

Появление этого щедрого либерально настроенного спонсора остро поставило перед группой «Освобождение труда» вопрос о сближении с другими политическими направлениями, объявлявшими себя противниками самодержавия. Плеханов выдвигал при этом только одно условие — поддержку конституционных требований, называя в качестве возможных партнеров «ученое сословие», органы городского и земского самоуправления, социалистические организации².

Однако провозглашение этого тактического принципа, выраженного впоследствии Плехановым в крылатой фразе «Врозь идти, вместе бить», еще не означало готовности обеих сторон к его практической реализации. Для Плеханова было ясно, что «конституции не дарятся абсолютными монархами, а *берутся у них с бою*»³. Либералы же, несмотря на все уроки, преподанные им сначала Александром II, а затем его сыном, никак не могли излечиться от доверчивости по отношению к самодержавной власти и не торопились вступать на путь активной политической борьбы. Больше того, они по-прежнему смотрели на революционеров как на помеху конституционному движению, опасных экстремистов, «бессмысленных мечтателей».

Поэтому, когда Н.И.Кулябко-Корецкий начал в конце 1887 г. свою миротворческую миссию с целью объединения группы «Освобождение труда», конституционалистов-эмигрантов типа М.П.Драгоманова и В.К.Дебагория-Мокриевича, а также либералов, живущих в России (И.И.Петрункевич, Н.Н.Златовратский), она скоро зашла в тупик. Плеханов и его товарищи не хотели, чтобы в новом печатном органе, о создании которого хлопотал Кулябко-Корецкий, тон задавал Драгоманов, пропагандировавший идею временного отказа от революционной работы во имя союза с либералами⁴.

Однако была и вторая, не менее важная сторона проблемы преодоления политического одиночества группы «Освобождение труда» в эмиграции. Мы имеем в виду взаимоотношения Плехано-

¹ Цит. по: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С. 108.

² Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 1. С. 40—41.

³ Там же. С. 39.

⁴ См.: Лаврычев В.Я. Отношение членов группы «Освобождение труда» к буржуазному либерализму // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 172—173.

ва, Аксельрода и Засулич с Лавровым и его единомышленниками, которые сохраняли верность принципам революционного народничества. Идейная стойкость Лаврова резко контрастировала с ренегатским поступком Льва Тихомирова, который выпустил в 1888 г. в Париже книгу «Почему я перестал быть революционером?», где пытался объяснить причины своего разочарования в революции и перехода на сторону царского правительства. Комментируя этот шаг Тихомирова в письме Эдуарду Бернштейну, Аксельрод писал: «Переход Тихомирова в лагерь реакции лишь по форме был единичным явлением, по существу же в этом сказалась тенденция, которая в то время была довольно сильно распространена, — точнее говоря, господствовала в наших демократических кругах. А именно это было стремление совершенно покинуть революционную почву и ограничиться легальной «культурной работой», то есть совершенно очистить поле политической борьбы»¹.

Разумеется, это не означало, что революционные традиции «Народной воли» в России уже отошли в 80-е годы в область преданий: дело Александра Ульянова и его товарищей, пытавшихся организовать в 1887 г. покушение на Александра III, получило широкий общественный резонанс и показало, что русская революционная молодежь намерена продолжать активную борьбу с самодержавием и ищет свой путь в революцию. И все же доминирующую роль играл процесс постепенного сближения народничества с либерализмом, который не мог не тревожить группу «Освобождение труда» и того же Лаврова. Вот почему Аксельрод решил обратиться к нему с предложением наладить совместную работу всех представителей прежнего революционного направления.

Сохранилось ответное письмо, которое направил 17 сентября 1888 г. П. Л. Лавров П. Б. Аксельроду. Этот документ проливает свет не только на личность его автора, но и позволяет лучше понять сложный механизм дробления революционных сил России на различные партии и фракции, который действовал и в конце XIX, и в начале XX века, когда появились эсеры, большевики, меньшевики и другие социалистические течения. «Нас разделяют, — писал Лавров, — вовсе не разногласия по теоретическим или практическим вопросам. Каковы бы ни были в этом отношении сходства или различия между нами, если Ваши товарищи и мы одинаково принадлежим к социалистам-революционерам, значит, мы сближены общей целью, предполагаемой этими словами; мы *вместе* отделены непереступаемой чертой от мира *не* социалистов и *не* революционеров, а потому мы могли бы действовать вместе для нашей *общей* цели, против наших общих врагов...»

Лавров подчеркивал, что главное в данный момент — это борьба с самодержавным строем и что все оттенки революционного социа-

лизма несравненно ближе друг к другу, чем те, кто стоят за пределами революционного лагеря. «Для меня все, принадлежащие к социально-революционному лагерю, — *товарищи по делу*, к которым приходится относиться по-товарищески и с которыми можно действовать вместе в некоторых случаях и при всех их заблуждениях и увлечениях, пока они не сеют раздора в рядах социалистов-революционеров и не раздражают их друг против друга своими *нетоварищескими* поступками», — писал он. «Важно не то, что один считает неизбежным господство капитализма в России для сплочения русских рабочих в одну будущую политическую партию, другой отвергает это; что для одного крестьянство — безусловно реакционный элемент, для другого оно не так; что один стоит за террор, другой его отвергает; один составляет планы захвата власти, другой считает это вредной тратой сил. Важно то, что один стремится сплотить все социал-революционные силы в России в одно дело против врагов, от которых нас отделяет пропасть, созданная и расширяемая историей; другой же по своим поступкам мешает этому сплочению. Я пойду со всякою группой, заявляющею себя громко и явно социалистами-революционерами, готовую к союзу со всеми другими социалистами-революционерами и сумевшею фактически, в *России*, привлечь к себе крупные живые силы. Я не пойду ни в какую комбинацию, где рядом с социализмом становится либерализм-несоциализм; ни в какую социалистическую комбинацию, которая оскорбляет и раздражает других социалистов-революционеров, а тем менее в ту, которая выступает с большею резкостью против товарищей других оттенков, чем против людей лагеря, враждебного социализму вообще».

Лавров предлагал найти такой способ сосуществования различных революционных групп, который позволил бы им, сохраняя свою самостоятельность и не мешая друг другу, идти вместе против общего врага. Пусть будут полемика, товарищеские споры, но не надо оскорблять и унижать друг друга, подчеркивал он. При этом Лавров считал, что даже со сторонниками террора можно работать вместе — было бы взаимное доверие и уважение, а главное — умение и желание не мешать друг другу.

Особенно часто конфронтационные ситуации создают, по мнению Лаврова, литераторы-эмигранты, которые привносят во взаимоотношения между различными группами много чисто личных моментов. Их неудовлетворенные амбиции, уязвленное соперником оппонентом самолюбие, желание «разнести» противника, с которым где-нибудь на фабрике в России или в подпольном кружке они шли бы рука об руку, забывая о своих разногласиях, наконец, просто обидные клички, которыми они награждают друг друга, — все это может стать источником фракционных раздоров, мешающих борьбе за общее дело.

По мнению Лаврова, в изданиях группы «Освобождение труда» постоянно нарушались именно правила товарищеской полемики

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 240.

между революционерами. Не называя Плеханова по имени, он не удержался от того, чтобы бросить ему персональный упрек в особой нетерпимости к инакомыслящим. «Мне даже кажется, — писал Лавров, — что по литературному складу его мысли один из членов Вашего кружка едва ли может употребить другие приемы полемики, а он занимает слишком крупное место в русской социалистической литературе, чтобы не быть определяющим элементом в этом случае». В заключении письма говорилось, что лишь при добрых товарищеских отношениях со стороны членов группы «Освобождение труда» к тем социалистам-революционерам, которые не разделяют в полном объеме их взглядов, возможно стало бы и сотрудничество Лаврова с «освободителями труда», в частности, для издания сборника «Социал-демократ»¹.

Нам не известно, ответил ли Аксельрод Лаврову на это большое, взволнованное и очень важное в принципиальном отношении письмо. Последующие события показали, однако, что для Плеханова, а во многом и для его более мягких и склонных к компромиссу товарищей по группе «Освобождение труда» позиция Лаврова оказалась все же неприемлемой. Вероятно, Лавров заходил в своем миролюбии слишком далеко, и в чем-то его позиция выглядела даже несколько наивной. Но нужно отдать ему должное: еще на заре социал-демократического движения в России он в зародыше подметил чрезвычайно опасную тенденцию к доктринерской узости, идеологическому фанатизму и нетерпимости к инакомыслию, которые в полной мере обнаружались 10—15 лет спустя и наложили неизгладимый отпечаток на всю русскую революцию.

Кстати говоря, Плеханов и сам признавал, что за ним водится такой грех, как диктаторские замашки. В письме к Аксельроду, написанном в мае того же 1888 г., у него вырвались знаменательные слова: «А мое якобинство? Нужно же, чтобы Вы меня сдерживали, чтобы Вы имели даже право сдерживать мои централистические и якобинские тенденции. Ведь, право, у меня есть на этот счет грешок»². Впрочем, не без греха был здесь и сам Лавров, который готов был вести дальнейшие переговоры о сотрудничестве только при условии устранения Плеханова из редакции совместного печатного органа³, что в свою очередь было неприемлемо для группы «Освобождение труда».

После этих длительных и, к сожалению, бесплодных переговоров марксисты продолжили свою издательскую деятельность в одиночку, благо Кулябко-Корецкий, несмотря на провал своих объединительных попыток, согласился финансировать группу «Освобождение труда». В августе 1888 г. ей удалось издать первый выпуск

¹ Из архива П.Б.Аксельрода. Берлин, 1924. С. 36—40.

² Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 1. С. 44.

³ Там же. С. 241.

сборника «Социал-демократ», названного так в честь одноименной газеты германской социал-демократической партии, издававшейся тогда в Швейцарии. Сборник состоял из статей Плеханова, Засулич, Аксельрода и Поля Лафарга. Внимание читателей, несомненно, привлек воображаемый диалог либерала-конституционалиста с социал-демократом «Как добиваться конституции?», автором которого был Плеханов. Здесь впервые было высказано ставшее затем очень известным положение о том, что политическая свобода в России будет завоевана рабочим классом или ее не будет вовсе.

Кроме того, Плеханов опубликовал в «Социал-демократе» статью о писателе-народнике Г.И.Успенском, две статьи с критикой Льва Тихомирова, несколько рецензий. В работе над ними ему помогала В.И.Засулич, выступавшая в роли секретаря. Сама она предложила для «Социал-демократа» первые три главы своего очерка истории I Интернационала. Плеханов по этому поводу писал: «"Интернационал" Веры написан так хорошо, что я не знаю другой подобной работы в европейской литературе...»¹

Зиму 1888—1889 г. Плеханов вновь проводил вдали от семьи, в Божии близ Кларана. Он был еще очень слаб («Писание утомляет меня чересчур сильно», — признавался Георгий Валентинович в письме Аксельроду²), но работал довольно интенсивно: собирал материалы о славянофилах и западниках, писал статью о творчестве писателя-народника С.Каронина (Н.Е.Петропавловского) и, главное, брошюру с разбором последних «открытий» бывшего идеолога народолюбцев Льва Тихомирова. Называлась она «Новый защитник самодержавия, или горе Л.Тихомирова» и была закончена 3 марта 1889 г.

Скандалное политическое грехопадение Тихомирова, публично раскаявшегося в старых революционных грехах и решившего стать, по его собственному выражению, «работником мирного прогресса» (предварительно верноподданически припав в стопах царя), стало для Плеханова поводом для серьезного разговора не только о нравственных качествах, которыми должен обладать настоящий революционер и которые растоптал лидер «Народной воли», но и о таких важных теоретических проблемах, как соотношение эволюции и революции в процессе общественного развития, роль насилия в истории, судьбы России. В результате читатель получил не просто блестящий памфлет на злободневную тему, в который Плеханов вложил все свое презрение к Тихомирову, но и глубокое историко-философское произведение, не потерявшее своего значения и в наши дни.

¹ Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 246. Текст работы см.: Засулич В.И. Избр. произв. М., 1983. С. 108—156.

² Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 1. С. 55.

Отрекаясь от революции, Тихомиров выступил в своей брошюре «Почему я перестал быть революционером?» как защитник якобы забытых революционерами эволюционных, мирных форм общественного прогресса. Восстановив историческую истину, Плеханов напомнил, что именно Маркс — этот горячий сторонник разрушения всего реакционного и отжившего — никогда не забывал об эволюции и открыл многие из ее важнейших законов. Больше того, он первым показал, как экономическая эволюция ведет к политическим революциям, которые в свою очередь становятся источником радикальных изменений в экономическом строе общества.

Вслед за Марксом Плеханов убедительно показал, что жизнь природы и общества полна самых разных скачков и периодов разрушения, которые так не нравятся Тихомирову, но отнюдь не являются изобретением тех или иных идеологов. «...История постоянно занимается подготовкой скачков и переворотов. Она прилежно и неуклонно делает это дело, она работает медленно, но результаты ее работы (скачки и политические катастрофы) неотвратимы и неизбежны»¹, — писал Плеханов. И как раз сейчас, продолжал он, история готовит в передовых странах Запада новый чрезвычайно важный переворот, причем есть все основания думать, что он произойдет именно в насильственных формах. Речь идет о переходе от капитализма к социализму, ибо производство все более приобретает общественный характер, требующий и нового способа распределения продуктов, который, по мнению Плеханова, вряд ли может быть установлен ненасильственным путем.

Насильственные перевороты, «реки крови», топоры и плахи, порох и динамит — все это весьма печальные явления. Но что же прикажете делать, спрашивал Плеханов, если они неизбежны? Сила всегда играла роль повивальной бабки, когда рождалось новое общество. Кстати говоря, так думал не только Маркс. Например, немецкий либеральный историк Ф. К. Шлоссер (1776 — 1861) — автор многотомной всемирной истории, использованной Марксом, — тоже считал, что великие перевороты в судьбе человечества совершаются только «огнем и мечом». Впрочем, социалисты могут утешать себя тем, что чем шире будет распространяться их учение, тем сознательнее, организованнее и дисциплинированнее будет рабочий класс, а значит, тем меньших жертв потребует социалистическая революция. «Притом же торжество пролетариата, положив конец всякой эксплуатации человека человеком, а следовательно, и разделению общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, сделает гражданские войны не только излишними, но даже и прямо невозможными. Тогда человечество будет двигаться одной

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 51.

«силой правды» и не будет иметь надобности в аргументации с помощью оружия», — писал Плеханов¹.

Основная часть его брошюры была посвящена русским сюжетам. Плеханов едко и остроумно высмеивает апологетические пассажи Тихомирова о плодотворной «культурной работе» самодержавия, о защите им «национальных интересов» России и т. д. Поистине убийственно для Тихомирова звучит приведенный Плехановым мартиролог выдающихся деятелей русской культуры, чей талант был загублен хозяевами Зимнего дворца. А чего стоят приказы Павла I и Николая I, которые полагали, что главная национальная задача России состоит в неукоснительном выполнении ею роли европейского жандарма? Достаточно назвать хотя бы удушение русскими войсками венгерской революции 1849 г. ради спасения режима Габсбургов, о чем сожалел позже даже сам инициатор этого бесславного для России похода Николай I. И если уж говорить о национальных задачах России, заключал Плеханов, то нужно признать, что важнейшая из них состоит в «завоевании свободных политических учреждений, благодаря которым силы нашего отечества перестали бы, наконец, быть игрушкой в руках какого-нибудь коронованного Кита Китьча»².

Но неужели революционерам действительно не за что благодарить русских царей? — иронически спрашивал Плеханов и отвечал: нет, за русским деспотизмом есть та заслуга, что он занес в Россию семена своей собственной гибели, начав процесс европеизации страны. Старая Московская Русь, по мнению Плеханова, была своего рода европейским Китаем, и понадобился Петр I, чтобы прорубить окно в Европу и приделать к азиатскому туловищу страны европейские руки. Однако делал он эту прогрессивную в целом работу поистине варварскими методами. Вздернув Россию, по образному выражению Пушкина, на дыбы, великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества. Что же касается до начатой Петром культурной работы, то нужны были великие потрясения, вроде поражения России в Крымской войне, чтобы русские цари вспомнили о необходимости ее продолжения. И когда Александр II отменил крепостное право, то можно было сказать, что «наш абсолютизм совершил в пределах земных все земное»³. С начала 60-х годов XIX в., писал Плеханов, в России стали назревать на почве развития капитализма новые общественные потребности, которые самодержавие уже не может удовлетворить, не переставая быть самодержавием.

Довести до конца дело, начатое Петром I, суждено в России рабочему классу. Но он придаст процессу европеизации страны, от

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 55.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 75.

успеха которого зависит само ее существование как цивилизованного государства, совершенно новый характер. «Начатое когда-то *сверху*, железной волей самого *деспотичного* из русских *деспотов*, оно будет закончено *снизу*, путем *освободительного* движения самого *революционного* из всех классов, какие только знала история. Герцен замечает в своем «Дневнике», что в России, собственно говоря, нет народа, а есть только коленопреклоненная толпа и палач. В лице рабочего класса в России создается теперь *народ* в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встанет во весь рост и позовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия»¹.

В марте 1889 г. в жизни Георгия Валентиновича произошел очередной крутой поворот. Ему запретили проживание в Швейцарии по ложному обвинению в принадлежности к анархистской организации. Дело в то, что два русских народовольца-террориста во время испытаний бомбы в горах в окрестностях Цюриха получили тяжелые ранения, причем один из них вскоре скончался. Это послужило поводом для организации настоящей травли русских политических эмигрантов и студентов, которая умело подогревалась руководителем заграничной агентуры царского Департамента полиции П. И. Рачковским. В итоге Плеханова и Засулич выслали из Швейцарии, хотя никакого отношения к террористам они не имели, а беременной Розалии Марковне, продолжавшей в то время слушать лекции по медицине в Женеве, лишь с громадным трудом удалось получить разрешение остаться в Швейцарии.

Плеханову и Засулич пришлось поселиться в той самой пограничной французской деревушке Морнэ, где совсем недавно Георгий Валентинович героически боролся со смертью. Чтобы навестить семью, в которой в мае 1889 г. опять произошло пополнение (родилась дочь Маша, ставшая любимицей отца), ему приходилось каждый раз хлопотать о разовом пропуске для въезда в Швейцарию. И так продолжалось целых пять лет, до июля 1894 г., когда швейцарские власти, наконец, сменили гнев на милость и разрешили Плеханову вернуться в Женеву.

От горьких раздумий и тревог его спасала только работа. Весной 1889 г. Плеханов написал две статьи для журнала «Социалист», единственный номер которого издал за границей в июне приехавший из России Юлий Раппопорт при участии Лаврова. Во время беседы с Георгием Валентиновичем Раппопорт познакомил его с программой журнала: создание социалистической партии, опирающейся на рабочих и революционную интеллигенцию; борьба за демократическую конституцию; использование для этого всех средств, начиная с пропаганды и агитации и кончая террористическими актами. Рассказывая об этой беседе в письме Аксельроду,

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 78.

Плеханов писал, что открыто восставать против террора сейчас просто невозможно. «Мы переживаем теперь кризис. Молодежь может удариться в либерализм. Чтобы удержать ее, нужно быть уступчивым и мягким»¹. Было решено, что Плеханов напишет одну большую статью и несколько библиографических заметок, а Аксельрод — письмо к русским рабочим об освободительном движении пролетариата. Кроме того, в «Социалисте» было опубликовано несколько других материалов, включая обращение к русским рабочим Лаврова.

Статья Плеханова «Политические задачи русских социалистов» явилась прямым продолжением его брошюры против Тихомирова. Экономическое освобождение рабочих, подчеркивал он, может быть достигнуто только путем борьбы за политическую свободу, в ходе которой пролетариат быстро растет и умственно, и нравственно, созревая для будущей полной победы над буржуазией. При этом Плеханов предостерегал рабочих от подчинения либералам, ибо в этом случае им пришлось бы надолго распрощаться со всякой мечтой о социализме. «Весь вопрос сводится... к тому, будут ли рабочие бороться против абсолютизма в качестве слепых орудий либералов, или их борьбе суждено сделаться первым политическим шагом самостоятельной рабочей партии в России. От нашей социалистической интеллигенции в значительной степени зависит будущее решение этого вопроса», — заканчивал статью Плеханов².

Но 1889 год принес Плеханову не только большие волнения и неприятности, но и свои радости. Главными из них были выход группы «Освобождение труда» на международную арену и первая личная встреча с Фридрихом Энгельсом.

Летом 1889 г. прогрессивная мировая общественность торжественно отмечала знаменательную юбилейную дату — столетие Великой французской революции. Париж широко демонстрировал триумф буржуазного прогресса на первой в истории человечества Всемирной выставке. Не могли не откликнуться на такое событие и социалисты: в столице Франции одновременно прошли два рабочих конгресса, организованные марксистами и социалистами-реформистами. Первый из них, в котором участвовало около 390 делегатов из 20 стран Европы и Америки, положил начало II Интернационалу.

Еще в 1869 г. была основана социал-демократическая партия Германии, у колыбели которой стояли Маркс, Энгельс, А. Бебель и В. Либкнехт. Затем были созданы социалистические партии в целом ряде других стран — Франции, Англии, Италии, Испании, Голландии, Дании, Бельгии, Венгрии, Чехии, США. Это потребовало организации международного социалистического центра, который

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 59 — 60.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 96.

развивал бы традиции I Интернационала. Так родилась идея созыва Парижского конгресса социалистов.

Его торжественное открытие состоялось в годовщину штурма Бастилии — 14 июля. Зал Петрелль был украшен красными знаменами, транспарантами с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и приветствиями в адрес делегатов. Всеобщее внимание привлекали приехавшие в Париж Август Бебель, Вильгельм Либкнехт, Поль Лафарг, участник Парижской коммуны Эдуард Вайян, Клара Цеткин. Прошло 13 лет с момента роспуска I Интернационала, во главе которого стоял Маркс. Но все эти годы идея классовой солидарности рабочих разных стран продолжала жить, и Парижский конгресс 1889 г. стал тому блестящим подтверждением.

Международное значение российского революционного движения было к тому времени уже настолько очевидно, что естественно встал вопрос о представительстве России на конгрессе, причем по инициативе Энгельса и Лафарга приглашения были направлены П. Л. Лаврову и группе «Освобождение труда». При этом положение Лаврова выглядело предпочтительнее, поскольку он заручился поддержкой общества русских рабочих в Цюрихе, редакции упоминавшегося уже заграничного журнала «Социалист», группы эмигрантов-народовольцев и группы социалистов-революционеров в Петербурге. Плеханов прекрасно понимал, что его приглашают на конгресс как бы авансом. Со свойственным ему юмором он охарактеризовал позже сложившуюся ситуацию так: «Кого собственно представляли русские уполномоченные на Парижском конгрессе? Небольшие группы «интеллигентов»; эти группы, не опираясь на существующие в России рабочие организации, были социалистическими *только в возможности*. Представители *возможного* социалистического движения в России являлись на деловое собрание представителей *действительного* — и притом уже принявшего огромные размеры — социалистического движения на Западе. Их встречали очень сочувственно; но не могли же не видеть они, что положение их по меньшей мере странно. По правде говоря, они напоминали собою тех уличных мальчигов, которых всегда много собирается на военные смотры и парады. Зачем приходят эти мальчишки? Они хорошо знают, что в ряды им не попасть, что не для них играет военная музыка, не для них разворачивается знамя; но их привлекает самое зрелище, и они довольствуются тем, что промаршируют хоть *около* стройных рядов, стараясь попадать в ногу и придавая себе по возможности воинственный вид»¹.

Тем не менее после долгих колебаний и сомнений было решено, что Плеханов и Аксельрод поедут в Париж. Сыграли здесь свою роль и уговоры старого товарища по народническому движению Сергея Кравчинского, и убедительные доводы Поля Лафарга, счи-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 113.

тавшего, что появление Плеханова на конгрессе будет лучшим ответом на предательство Льва Тихомирова, которое произвело в зарубежных социалистических кругах очень тяжелое впечатление. И хотя Плеханов находился в поистине отчаянном положении (жена после родов была тяжело больна, нужно было ухаживать за тремя дочерьми, в том числе полуторамесячной Машенькой, денег не было, а хозяин грозил выгнать их из квартиры), он счел необходимым принять участие в конгрессе.

В июле 1889 г. Плеханов отправил Вере Засулич шутивную просьбу-приказ: «Получивши мое письмо, сейчас же возьмите лист хорошей бумаги и напишите на нем хорошим почерком, чтобы рука Ваша не ходила на пятках (почерк у Засулич был, мягко говоря, неважный. — С. Т.): «Союз русских социал-демократов уполномочивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на интернациональном социалистическом конгрессе в Париже. Секретарь союза Вера Засулич»¹. Правда, «Союз русских социал-демократов», под которым подразумевалась группа «Освобождение труда», состоял всего из трех человек, но Лавров великодушно промолчал об этом, дав возможность Плеханову впервые блеснуть на международном социалистическом форуме.

Сам Лавров был избран в бюро конгресса, а 17 июля прочитал перед его участниками реферат «О положении социализма в России», где, в частности, говорилось: «Я утверждаю, что русский социализм не погиб в шестнадцатилетней своей борьбе с врагами. Ему еще не удалось образовать рабочую партию, но помехой этому были лишь политические условия России. Социально-революционная партия, борющаяся и борющаяся за изменение этих условий, подвергалась тяжким поражениям... Но те, кто примкнули к ней, решились бороться до конца, чтобы создать благоприятные условия для образования рабочей партии»².

Эту идею поддержал и Плеханов. Он начал свою речь с того, что подчеркнул твердое намерение представителей революционной России идти на сближение с европейским социалистическим движением. Царизм долгое время был жандармом Европы, продолжал Плеханов, и можно не сомневаться, что падение русского абсолютизма стало бы победой всего международного революционного движения. Если кому-то хочется видеть в России нечто вроде Китая и считать ее страной, не имеющей ничего общего с Западом, то он глубоко ошибается. Старые основы ее хозяйственной жизни находятся в процессе полного разложения, происходит бурный рост капитализма и рабочего класса. Именно он и нанесет смертельный удар самодержавию. Силы народников, сказал в заключение Пле-

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 296–297.

² Цит. по: Володин А., Итенберг Б. Лавров. М., 1981. С. 296.

ханов, могут быть достаточны для борьбы против отдельных царей, но их слишком мало для победы над царизмом как политической системой. «Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!»¹

Речь Плеханова произвела благоприятное впечатление на делегатов конгресса. Правда, как вспоминал незадолго до смерти Георгий Валентинович, его заключительные слова были восприняты огромным большинством участников того памятного заседания недоверчиво, ибо Россия представлялась им безнадежно отсталой страной. Только Жюль Гед и зять Маркса, Шарль Лонге, да еще Вильгельм Либкнехт нашли, что мысль Плеханова проливает новый свет на дальнейший ход русского общественного движения. Либкнехт сказал тогда: «Я слушал вас с большим удовольствием. Вы первый русский, не старающийся уверить нас, людей Запада, в том, что в России все готово для революции. Со времен Бакунина я постоянно слышал, что там «все готово», и удивлялся только тому, что революция все-таки заставляет себя так долго ждать»².

Понравилась речь Плеханова и Ф.Энгельсу, который не был на конгрессе, но познакомился позже с его протоколами³. Напротив, среди русской революционной интеллигенции, еще насквозь пропитанной народническими идеями, парижское выступление Плеханова воспринималось с явным неудовольствием как «еретическое». В свою очередь, Плеханов испытал, наверное, глубокое удовлетворение, прочитав в решениях конгресса, что «освобождение труда и всего человечества может быть достигнуто только пролетариатом,

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. IV. С. 54. Речь Плеханова на Парижском конгрессе известна в двух вариантах. Один из них был опубликован при его жизни в 1890 г. в сборнике «Социал-демократ» и вошел в 4-й том сочинений. Второй был напечатан только в 1926 г. в журнале «Летопись марксизма» в переводе с французского оригинала, найденного в архиве Ж.Гедда, а затем воспроизведен в 24-м томе сочинений Плеханова (с. 319–320). Во втором варианте концовка речи выглядела так: «А в заключение повторяю — и настаиваю на этом важном пункте: революционное движение в России восторжествует только как *рабочее движение* или же никогда не восторжествует!» Характерно, что в одной из своих последних печатных работ — «Открытом письме к петроградским рабочим» (1917 г.) Плеханов воспроизводит с незначительными изменениями именно этот, второй вариант заключительной части своей парижской речи 1889 г. См.: Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т. II. С. 244–245.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 404–405.

³ Русские современники о К.Марксе и Ф.Энгельсе. М., 1969. С. 104.

организованным как класс и в интернациональном масштабе, который должен завоевать политическую власть с целью осуществления экспроприации капитала и превращения средств производства в общественную собственность»¹. Это краеугольное положение марксизма было глубоко созвучно собственным мыслям Плеханова, который остался верен этому убеждению до конца своей жизни. Он покидал Париж в радостном, приподнятом настроении, получив на конгрессе новый заряд энергии для продолжения начатой работы.

Сразу же после окончания Парижского конгресса в июле — августе 1889 г. в Лондоне состоялась личная встреча Плеханова и Аксельрода с Энгельсом. Благодаря рекомендации жившего тогда в британской столице Кравчинского они получили возможность в течение целой недели общаться с ближайшим другом Маркса. Запомнилась первая встреча, в которой участвовали также Эдуард Бернштейн, дочь Маркса Элеонора и ее муж Эдуард Эвелинг, домоправительница Энгельса Елена Демут и профессор химии, участник революции 1848 г. в Германии Шорлеммер. О политике говорили мало, зато было много шуток, пива, пунша и большой пирог. Хозяин дома оказал гостям из России теплый, радушный прием. Во время следующих визитов Плеханова и Аксельрода к Энгельсу затрагивались уже многие теоретические и политические вопросы, в частности деятельность Бакунина и Лассаля. Шла речь и о названии будущей российской рабочей партии. В передаче Плеханова этот эпизод выглядел так: «Вы знаете, — сказал Энгельс, — что первоначально наша партия называлась не социал-демократической, а коммунистической. Может быть, и вам лучше было бы, ввиду враждебного отношения ваших революционеров (народников. — С.Т.) к социал-демократии, называться коммунистами». На это я ему ответил, что мы хотим называться социал-демократами, а не коммунистами именно потому, что хотим показать свое презрение к тем клеветам на социал-демократию, которые распространяются у нас бакунистами. Энгельс согласился с этим, и с тех пор, насколько я знаю, никто не поднимал и вопроса о том, какое имя должны мы носить»².

Но праздники — а поездка в Париж и Лондон, несомненно, была для Плеханова настоящим праздником — кончились. Настало время возвращаться в Морнэ. Свою главную задачу Плеханов видел, как и раньше, в литературной деятельности. В 1890 г. у группы «Освобождение труда» появились два новых спонсора: доктор Гурьев — человек либеральных взглядов, сын известного московского ресторатора, получивший недавно большое наследство и путешествовавший с семьей по Швейцарии, и молодой польский

¹ Цит. по кн.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 2. С. 266–267.

² Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. II. С. 45.

социал-демократ Лео Иогихес, которого в революционной среде знали как Грозовского и Яна Тышку. Первый из них дал деньги на издание литературно-политического обозрения «Социал-демократ», второй — на публикацию осуществленного Плехановым перевода книги Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Обозрение «Социал-демократ» явилось продолжением одноименного журнала, единственный номер которого вышел в 1888 г. в Женеве. На обложке первого номера нового «Социал-демократа» образца 1890 г. в целях конспирации в качестве места издания был указан Лондон. В 1890 г. увидели свет три номера обозрения, а четвертый, оказавшийся последним, появился в 1892 г. В «Социал-демократе» можно было прочитать четыре статьи Плеханова о Н. Г. Чернышевском, разбор творчества писателя-народника С. Каролина, развернутую рецензию на книгу П. Жане «Столетие 1789 г. История французской революции», обзоры событий в России и за рубежом, великолепные по тонкости анализа и литературному мастерству воспоминания «Русский рабочий в революционном движении», ряд более мелких заметок.

Плеханов прекрасно понимал, что группе «Освобождение труда» необходимо искать выходы непосредственно на рабочую аудиторию. В 1889 г. в серии «Рабочая библиотека» вышла в свет брошюра с текстом речи рабочего-революционера Петра Алексева перед судом присяжных в 1877 г. Затем была издана еще одна брошюра, в которую вошли четыре речи рабочих на тайной петербургской маевке 1891 г., а также адрес столичных рабочих Н. В. Шелгунову — известному публицисту революционно-демократического направления. Публикацию этих ярких документов предваряло предисловие Плеханова, где еще раз подчеркивалась авангардная роль пролетариата в освободительном движении России: *«Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии. Наша буржуазия требует пока только субсидий, гарантий, покровительственного тарифа и высоких пошлин; русские рабочие требуют политических прав. Это значит, что рабочие опередили буржуазию и что все действительно передовые люди должны стать под знамя рабочих»*¹.

Плеханов писал далее о том, что марксисты должны вести агитацию в рабочей среде, исходя из насущных интересов пролетариата; добиваться уступок рабочим со стороны правительства и буржуазии; требовать созыва Земского собора как первого шага к уничтожению самодержавия и участия в нем представителей рабочих². Таким образом, перед нами целая программа действий будущей пролетарской партии, задачу которой Плеханов видел не только в

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 210.

² Там же. С. 213–215.

организации и сплочении рабочего класса, но и в привлечении на его сторону всех здоровых сил нации, способных на борьбу с самодержавием.

В 1891 г. в России разразился небывалый голод. От недорода пострадали 26 губерний и областей с населением до 40 млн. чел. Плеханов откликнулся на это страшное народное бедствие большой статьей «Всероссийское разорение», опубликованной в 1892 г. сначала на страницах «Социал-демократа», а потом отдельной брошюрой. Он нарисовал такие потрясающие своей безысходностью картины крестьянских страданий, что спокойно читать их нельзя даже через сто лет после описываемых событий. «Хлеб» из лебеды, который не едят даже кошки и собаки; обессиленные, павшие духом люди; незасеянные поля; мать, говорящая на исповеди священнику о намерении зарезать своих детей, чтобы только не видеть их мучений, — и рядом типичные для России казнокрадство чиновников, хищничество кулаков-мироедов, безжалостное выколачивание налогов, цинизм дворян, требующих для себя даже в голодные годы льгот и субсидий...

Плеханов убедительно показал, что главная причина голода лежит в существующих в России общественных отношениях, в закреплении «освобожденного» в 1861 г. крестьянина системой государственного фиска, в беспримечной в мировой истории бедности сельского населения страны. Что касается помощи голодающим со стороны правительства, земств и общественности, то размеры ее были явно недостаточны, а организация страдала теми пороками, которые всегда были характерны для России — медлительностью, ведомственной неразберихой, разбазариванием и без того скудных средств, предназначенных голодающим, а то и просто воровством. Полное экономическое разорение России, делал вывод Плеханов, может быть предупреждено только полным ее политическим освобождением. При этом начинать он предлагал с созыва Земского собора, призванного заложить основы нового общественного порядка¹.

Непосредственным продолжением «Всероссийского разорения» стала брошюра Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом» (1892 г.), написанная в форме писем к молодым товарищам. Здесь Плеханов еще более резко критикует самодержавную систему, подчеркивая, что никогда и нигде государство не брало у народа так много, как в России. Со времен Петра I, пишет он, русское государство было относительно самым дорогим, а русское крестьянство — самым бедным крестьянством в мире, и даже в Турции его не сумели бы так «чисто» обобрать, как это делает европеизированная русская бюрократия. «Дорого и скверно» — вот

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 357.

нелицеприятная характеристика, подходящая решительно ко всему, что делал и делает царизм для России, заключал Плеханов¹.

В поисках выхода из создавшегося положения Плеханов обращался ко всем честным русским людям, которые не принадлежат к миру дельцов, кулаков и чиновников, с призывом развернуть агитацию за созыв Земского собора, т.е. Учредительного собрания. При этом особые надежды он возлагал на пролетариат, не сбрасывая, однако, со счетов и буржуазию. Надежды на политическое просвещение этой последней и на ее грядущий конфликт с самодержавием никогда не оставляли Плеханова, хотя акции либеральной буржуазии как оппозиционной по отношению к самодержавию силы то поднимались, то падали в зависимости от обстановки в России. Эти колебания прошли через всю плехановскую публицистику и стали одним из самых уязвимых мест его политической платформы. Немного забегаая вперед, отметим, что в общем и целом российская буржуазия не оправдала его надежд. Пройдут годы, и сам Плеханов скажет, что в конце XIX в. он и его товарищи все-таки не ожидали от русской буржуазии такой «дрянности и ограниченности», какие она обнаружила впоследствии².

Но в 1890 г. Плеханов еще считал, что, кроме буржуазии и пролетариата, нет других общественных сил, на которые могли бы опираться в России оппозиционные или революционные политические комбинации³. А в 1892 г. в работе «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» он еще более заострил эту мысль, заявив: «Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии»⁴.

Однако в той же самой работе Плеханов отмечал, что по отношению к крестьянству необходим строго дифференцированный социальный подход: если сельская буржуазия не станет поддерживать социал-демократов, то сельский пролетариат «всегда был и будет естественным союзником городского», точно так же, как «бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами...»⁵ Это свидетельствовало о том, что Плеханов смотрел на перспективы союза пролетариата и крестьянства достаточно оптимистически. Больше того, в 1896 г. он прямо скажет: «Раз начавшееся в рабочей среде революционное движение вовлечет в свое русло значительную часть беднейшего крестьянства, и тогда придет

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 361–362.

² Там же. Т. XIX. С. 241.

³ Там же. Т. III. С. 120.

⁴ Там же. С. 386.

⁵ Там же. С. 414.

конец тем гнусным порядкам, которые составляют горе русской земли...»¹

Плеханов не скрывал, что в будущем Земском соборе социал-демократы выступят за полную отмену всех выкупных платежей за землю, потребуют введения прогрессивного подоходного налога, будут добиваться «полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность». Неужели, задавал Плеханов риторический вопрос, крестьяне хоть одним словом осудят поведение социал-демократов²? Таким образом, в работах 90-х годов Плеханов сделал значительный шаг вперед в сторону конкретизации аграрной программы, выдвинутой им в период создания группы «Освобождение труда». Теперь он прямо писал, что социал-демократы будут призывать крестьян: бить их эксплуататоров и брать у них все, что можно взять в данное время; «не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда ставить перед народом максимум тех революционных требований, до которых он дорос в настоящее время; неустанно вести его вперед, вперед и вперед на завоевание неприятельской территории; не класть меча в ножны до тех пор, пока не будет она занята вся до последней пяди...»³

Обращает на себя внимание и другое: именно в начале 90-х годов, в связи с оживлением либерального движения во время голода в России, Плеханов предупреждал: не надо раньше времени запугивать либералов революцией и социализмом, но не надо в то же время и запугивать социалистов призраком «запуганного либерала», который может уйти из освободительного движения и тем самым ослабить натиск оппозиции на самодержавие.

«Вред, приносимый таким запугиванием, — подчеркивал он, — несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убеждение гг. либералов в нашей умеренности и аккуратности»⁴. При этом Плеханов был убежден в том, что не пролетариат должен примыкать к либералам, а социал-демократы должны собирать под своими знаменами «все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться между буржуазией и пролетариатом»⁵.

Надо сказать, что работы Плеханова, посвященные борьбе с голодом, вызвали неоднозначную реакцию среди русских революционеров. Некоторые ультралибералы считали, что, поскольку голод ускоряет социальное разложение крестьянства и тем самым способствует развитию капитализма, марксистам вообще не следует

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. IX. С. 290–291.

² Там же. Т. IX. С. 415.

³ Там же. С. 416.

⁴ Там же. Т. III. С. 421.

⁵ Там же. С. 413.

вмешиваться в этот объективный процесс. Других смущал лозунг созыва Земского собора, в котором они усматривали отказ от социализма. Третьи полагали, что улучшение положения крестьянства может укрепить крестьянскую общину и тем самым замедлит буржуазный прогресс. Находились и такие, кому не нравился призыв Плеханова к координации усилий всех демократических слоев российского общества, включая либералов, в борьбе против самодержавия.

Частично на эти сомнения и возражения ответил сам Плеханов. Он подчеркнул, в частности, что марксисты чужды всякого доктринерства и схематизма. «Веер альтернатив» общественного развития достаточно велик: вполне возможно, что крестьянские земли перейдут в руки новой буржуазии, или крестьяне потребуют закрепить их в свою личную собственность, или переделают помещичьи поля между общинами. «Социал-демократы нимало не боятся таких сюрпризов, — писал Плеханов. — Для них в истории нет ничего невероятного. Их программа есть сознательное выражение бессознательного хода общественного развития. Они спокойно и уверенно смотрят в будущее. Они глубоко и вполне основательно убеждены, что как бы ни пошла события, а у них, у социал-демократов, всегда будет возможность плодотворной работы и что всякое серьезное общественное движение непременно и неизбежно приближает их к их великой цели»¹.

К сожалению, попытки перевести общественную кампанию по борьбе с голодом в практическую плоскость не увенчались успехом. Переговоры Плеханова с Лавровым в Париже на предмет создания «Лиги по борьбе с голодом», которая объединила бы всех русских революционеров-эмигрантов в Западной Европе, не увенчались успехом. Сказались старые обиды, житейская непрактичность, неумение перейти от слов к делу. Тем не менее выступление Плеханова в связи с голодом в России получило большой общественный резонанс. Оно показало, что русские марксисты — это не жалкая кучка доктринеров, для которых цитаты из Маркса важнее живой жизни, а люди, всем сердцем болеющие за свой народ и способные предложить собственную программу выхода из кризиса.

Можно согласиться с теми, кто считает, что работы Плеханова о борьбе с голодом принадлежат к лучшим страницам его идейно-теоретического наследия, убедительно демонстрируя силу плехановского интеллекта и блеск его публицистического таланта. И хотя судьба не слишком баловала его в то нелегкое время, как будто специально нагромождая на жизненном пути одно препятствие за другим, он был в постоянном движении, творческом поиске, работе. Одну боевую кампанию сменяла другая, появлялись новые идейные противники и новые сюжеты для его публицистических выступле-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. III. С. 424.

ний, а Плеханов оставался все таким же энергичным, блестящим, искрометным, все так же оптимистически смотрел в будущее.

Очень интересны в этом плане воспоминания Александра Потресова о его первой встрече с Плехановым в Морнэ в 1892 г. «Еще молодой, полный бодрости, неистощимого остроумия, сверкающий, переливающий всей радугой знания, без малейшей тени растерянного, упадочного уныния, тогда столь свойственного многим, и без малейшей тени склонности вечно воображать Россию накануне событий, размалевывая себе декорацию пока еще не существующего движения», — таким предстал Георгий Валентинович перед своим 23-летним гостем из России. «Он был тогда весь в работе, — тогда он был поглощен своими многообразными умственными интересами, неустанно учился и неустанно творил, лихорадочно пользуясь, как он говорил, каждую минутой того политического затишья и того положения ссыльного, которое обрекало его как борца на невольное бездействие...» — вспоминал Потресов.

Ему бросилась в глаза одна очень характерная для Плеханова черта: в противоположность огромному большинству русских интеллигентов он жил одновременно и всеми запросами европейской умственной жизни — ее философии, эстетики, политики, экономики, и всеми деталями общественной жизни на родине, за которой постоянно и жадно следил, находясь в эмиграции. «Европеец по всему складу, по всей упорядоченности своего житейского и умственного обихода, совсем не нигилист, он в то же время не был отнюдь и космополитом, беспочвенной жертвой тепличного эмигрантского существования... Его знакомство с фактами из текущей жизни и литературы России прямо поражало, свидетельствуя о том, как много труда было положено им на эту трудно достававшуюся в тогдашних условиях осведомленность о России... Он загорался, когда о ней говорил, он жил в атмосфере ее общественности; он знал ее историю во всех разветвлениях, как мало кто. Он помнил чуть не наизусть ее литературу и любил пересыпать свою беседу образами, взятыми из дорогих ему писателей. Он нежно любил Глеба Ив. Успенского, но особенно чувствовал какое-то родство, какую-то кровную близость, какой-то пиетет к Белинскому и к Чернышевскому... Стоило поговорить час-другой с Плехановым, чтобы вас обступила культура России, все то ценное и многозначительное, до чего она доработалась... А революционное движение вставало перед вами в искрящихся рассказках, где трагичное чередовалось со смешным и образ за образом проходил бесконечной вереницей... Он столько видел в свои годы пребывания в России, со столькими сталкивался, что портретная галерея его была поистине неисчерпаема».

«Необычайная одаренность его природы была в глаза, изумляла и покоряла себе, распространяя вокруг себя обаяние. Европеец и до мозга костей русский человек. Революционер-социалист и вместе с тем джентльмен, своей манерой держаться напоминавший светского человека-аристократа. Он в этом отношении был похож на Энгель-

са, с которым он два года спустя меня познакомил в Лондоне, как он был похож на него и в другом — в своей энциклопедичности и диапазоне своего творчества, в шири своего кругозора. Немногие из его современников в Европе могли сравниться с ним в этой шире, а в социалистической среде после Энгельса он был единственным в своем роде... Что с первого же раза обращало на себя внимание в Плеханове, — это его логика, его изумительная диалектика, которой он управлял, как первоклассный фехтовальщик шпагой, без малейшего видимого труда шутя выбивая оружие из рук противника, шутя, точно играючи, бросая свои отточенные мысли... И была вера в движение, в конечное торжество социализма, в сравнительно недалекую победу политической свободы в России...»¹, — писал Потресов.

В начале 90-х годов быстро рос и авторитет Плеханова во II Интернационале. На Западе по достоинству оценили его теоретическое дарование, ярко выраженную марксистскую ортодоксальность, полемический талант, осведомленность о положении дел в загадочной для многих России. Поэтому после Парижского конгресса 1889 г. у Георгия Валентиновича завязались связи со многими видными деятелями международного социалистического движения. Он стал получать многочисленные предложения о сотрудничестве с различными социал-демократическими изданиями, о публикации статей, заметок, рецензий и даже целых книг на иностранных языках. Поскольку такие контакты могли принести немалую пользу молодому рабочему движению в России, Плеханов и его товарищи по группе «Освобождение труда» довольно охотно откликались в те годы на подобные приглашения. Не приходится говорить и о том, что литературная работа была для них едва ли не главным источником существования, и это заставляло Плеханова не пренебрегать заказами, которые особенно часто поступали из Германии.

С 1890 г. началась довольно регулярная публикация его статей в германских социал-демократических изданиях. Так, в 1891 г. в журнале «Die Neue Zeit» печаталась с продолжениями большая теоретическая работа Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», которую Энгельс нашел превосходной². Узнав об этом, Георгий Валентинович написал ему: «Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы»³.

В 1892 г. редактор «Die Neue Zeit» К. Каутский заказал Плеханову серию статей о французских материалистах XVIII в. Гольбахе и Гельвеции, а в 1896 г. вместе с очерком о Марксе они были изданы в Штутгарте на немецком языке под названием «Очерки по истории материализма». В том же социал-демократическом изда-

тельстве И. Дитца в 1894 г. была опубликована на немецком языке и книга Плеханова «Чернышевский», в основу которой были положены его статьи, публиковавшиеся сначала в «Социал-демократе», а потом в немецком переводе на страницах «Die Neue Zeit».

Вряд ли есть необходимость подробно говорить о том, с каким уважением относился Плеханов к своему знаменитому соотечественнику: ведь он считал его гордостью, славой и украшением русской литературы. Плеханов проследил процесс становления взглядов Чернышевского на природу и общество в контексте российской и европейской интеллектуальной жизни середины XIX в., высоко оценил его как философа-материалиста и революционера — одного из теоретиков активного народничества. Плеханов объективно написал и о поистине поразительных социальных прозрениях Чернышевского, и о неизбежной из-за отсталости России ограниченности его взглядов.

Всего за период с 1889 по 1900 г. Плеханов опубликовал в социалистической прессе и издательствах зарубежных стран 50 различных работ¹. Среди его корреспондентов были ведущие деятели международного социалистического движения, включая Ж. Гедда, П. Лафарга, В. Либкнехта, А. Бебеля, К. Каутского, К. Цеткин, Р. Люксембург, В. Адлера, Э. Вандервельде, К. Гюисманса, Д. Благоева, Х. Раковского и др.

Плеханов состоял в переписке с социалистами Германии, Франции, Англии, Италии, Австро-Венгрии, Бельгии, Греции, Румынии, Сербии, Голландии, Норвегии, Швеции, Болгарии, Польши, США, Швейцарии, Ирана, Японии. Круг его связей и интересов был поистине огромен: здесь и теоретические вопросы, и издательские дела, и межпартийные контакты, и организация различных акций интернационалистского характера. Сотни писем, приходивших на имя Плеханова из множества стран Европы, Азии и Америки, свидетельствовали о том, что он пользовался там огромным уважением и большой популярностью.

Еще со времен Маркса в международном социалистическом движении развернулась острая борьба с разного рода анархическими и полуанархическими тенденциями. Дело доходило до очень острых столкновений: так, с Парижского конгресса II Интернационала в 1889 г. была удалена группа анархистов, пытавшихся сорвать его работу, а на следующем, Брюссельском конгрессе 1891 г.² были

¹ См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 230.

² В работе Брюссельского конгресса группа «Освобождение труда» не участвовала, считая, что ее связи с рабочим движением в России пока еще слишком слабы. Конгрессу был представлен написанный Плехановым и Засулич доклад от имени редакции «Социал-демократа» (см.: Плеханов Г. В. Соч. Т. IX. С. 349–351). Решения конгресса были проанализированы Плехановым в статье «Рабочее движение в 1891 г.» (там же. Т. IV. С. 101–113).

¹ Памяти Г. В. Плеханова. 1918. 9 июня.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 205.

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 257.

даже аннулированы мандаты трех бельгийских и одного голландского анархиста. Уже тогда голландец Домела Ньювенгейс предложил свой оригинальный план борьбы с войной, который состоял в том, чтобы в ответ на ее объявление начать одновременно во всех странах всеобщую стачку протеста. В Брюсселе Ньювенгейс остался в одиночестве, но в августе 1893 г. он повторил свое предложение на Цюрихском конгрессе II Интернационала. И здесь его главным оппонентом выступил Плеханов.

На этот раз он приехал в Цюрих с двумя совершенно «законными» мандатами — от петербургской группы «Освобождение труда» (студенческой организации, к которой принадлежал Юлий Цедербаум) и Русского социал-демократического общества в Нью-Йорке. Засулич и Аксельрод присутствовали на Цюрихском конгрессе в качестве гостей.

Плеханов был избран в комиссию по военному вопросу, от имени которой и выступил на пленарном заседании конгресса. Выбор на него пал не случайно, ибо Россия была в то время в глазах Интернационала олицетворением реакции, а русские казаки оставались пугалом для всей Европы. Поэтому позиция русских марксистов представляла для международного социалистического сообщества особый интерес. Плеханов заявил, что глубинные причины войн кроются в самой природе капитализма и поддержал немецких социал-демократов, считавших, что нельзя видеть в анти-милитаристской всеобщей стачке универсальное и дающее полную гарантию успеха средство борьбы с военной опасностью. Он не оставил у своих слушателей ни тени сомнения в том, что русские социалисты в случае европейской войны никогда не будут заодно с царем. «Уже давно пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры. И чем больше наши немецкие друзья (имеется в виду прежде всего А. Бебель. — С. Т.) нападают на царизм, тем более должны мы быть благодарны. Bravo, мои друзья, бейте его сильнее, сажайте его на скамью подсудимых возможно чаще, нападайте на него всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, — заявил Плеханов. — Что же касается русского народа, то он знает, что наши немецкие друзья желают его свободы»¹.

Скорее после конгресса Плеханов изложил основные положения своих выступлений в Цюрихе в открытом письме в редакцию французского социалистического журнала «L'Ere Nouvelle». Здесь он прямо поставил вопрос о том, чем было бы чревато принятие плана Ньювенгейса в случае войны между Россией и Германией. «Предположим, что в случае войны между Россией и Германией наши немецкие товарищи сумеют организовать военную забастовку, —

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 331.

рассуждал Плеханов, — тогда русская армия покорит Центральную Европу, и вместо торжества социализма мы увидим торжество казачьей нагайки. Вот почему голландское предложение является не просто утопией, а *реакционной* утопией, осуществление которой было бы очень вредно для дела свободы. Дело идет не о том, чтобы проповедовать крестовый поход против северного деспота. Кровь пролетариата слишком дорога, чтобы нам пришла в голову подобная идея; кроме того, рабочие Западной Европы имеют и без того много дела у себя дома. Но пусть русское правительство держит себя спокойно, — социалисты будут первыми борцами против всяких воинственных тенденций. И если это ненавистное правительство не будет держаться смирно, если оно попытается наложить свою тяжелую лапу на соседние народы, тогда всякое воздержание будет преступным, тогда нужна будет война, смертельная война, война без отдыха и пощады! И эта война *против нашего правительства* будет в то же время войной за освобождение нашего народа»¹.

Выступление Плеханова в Цюрихе вызвало очень бурную реакцию. Голландские и часть французских делегатов прерывали его возгласами: «Да здравствует анархия!» и обвинениями в предательстве. Ньювенгейс обвинил Плеханова в шовинизме и заявил, что его устами говорил сам Бисмарк. Обстановка в зале конгресса накалилась до предела. Плеханов стоял на трибуне с высоко поднятой головой и блестящими от возбуждения глазами. Один из немецких делегатов подбежал к трибуне и обнял Георгия Валентиновича со словами: «Plechanoff, das ist deine Schlacht!» («Плеханов, это твоя битва!» — нем. 2). В итоге в Цюрихе Плеханов вышел победителем, а Ньювенгейс потерпел очередное поражение.

Во время конгресса и после его окончания состоялись встречи членов группы «Освобождение труда» с Энгельсом, который вновь покорил их своей простотой и мудростью. Отношения Плеханова и Энгельса в первой половине 90-х годов составляют интереснейшую страницу в истории российского и международного социалистического движения. Очень содержательны, в частности, письма, которыми они обменивались в 1893—1895 гг.³ Круг поднимаемых в них вопросов был очень широк: экономическое положение России и первые шаги молодого царя Николая II, позиция либеральных

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. С. 162.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 70—71.

³ Характерно, что вначале Плеханов все время называл Энгельса «учителем». В ответ тот заметил, что просит избавить его от такого титула и что его зовут просто Энгельс. После этого Георгий Валентинович стал обращаться к нему более демократично: «Мой дорогой гражданин Энгельс!», а затем перешел на новое, несколько шутовское обращение: «Мой дорогой генерал!» (так звали Энгельса друзья за его большие познания в военном деле). См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. С. 313, 323, 325, 328.

народников и сложные взаимоотношения Плеханова с молодым и довольно богатым польским социал-демократом Лео Йогихесом¹ и переводчиком плехановских работ на немецкий язык Борисом Кричевским, материальная помощь больной Засулич и т. д.

Очень интересны, в частности, мысли Энгельса и Плеханова о перспективах социально-экономического развития пореформенной России. Характеризуя его, Плеханов писал: «...Мы страдаем от капитализма и еще страдаем от того, что капитализм недостаточно развит. Страдание на страдание — это учетверяет наши экономические бедствия, не говоря уже о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно было бы сказать скверного на его счет»². При этом он старательно внушал своему знаменитому лондонскому корреспонденту, что крестьянская община лишь тормозит капиталистическое развитие России, а значит, и развитие русской революции. Недаром, писал Плеханов, один из главных идеологов самодержавия К. П. Победоносцев убежден в том, что именно община спасет Россию от рабочего движения и социализма. Плеханов склонял также Энгельса к более решительному осуждению сторонников народнических взглядов, в частности старого знакомого Маркса и Энгельса Н. Ф. Даниельсона, который выпустил в 1893 г. в Петербурге книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Однако Энгельс довольно туго поддавался на уговоры Плеханова и не собирался ввязываться в бой с Даниельсоном, хотя, разумеется, и не защищал его взгляды на возможность реформировать Россию на базе крестьянской общины и «народного производства». Выше нам уже приходилось говорить о высоких оценках, которые давал Энгельс Плеханову после того, как ближе познакомился с этим выдающимся русским революционером и мыслителем. Тем не менее, как можно заключить из некоторых мемуарных источников, Энгельса порой несколько смущала та чрезмерная страстность, с которой его русский знакомый полемизировал со своими оппонентами. Так, посетивший в 1893 г. Энгельса Алексей Воден вспоминал, что тому очень хотелось, чтобы Плеханов занялся аграрным вопросом в России, и притом в сугубо исследовательском, а не в полемическом плане. Энгельс просил передать Плеханову, что не одобряет его стремления без крайней необходимости обострять конфликт с революционными народниками. Видимо, Энгельса настораживали и некоторые диктаторские нотки, звучавшие порой у Плеханова (по словам того же Водена, Плеханов говорил, что когда «мы» будем у власти, то никому, кроме «нас», никаких

¹ Взяв на себя расходы, связанные с издательской деятельностью группы «Освобождение труда», Йогихес повел себя затем весьма некорректно и претенциозно, что послужило в конце концов причиной разрыва Плеханова с польским революционером.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 2. С. 326.

свобод не предоставим). Чувствовалось, что Энгельс боится сектантства и расколов в среде русских революционеров. Однажды, коснувшись вопроса о полемике Плеханова с народниками, он со смехом сказал по-русски: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?»¹ Но высказывались все эти опасения и советы в самой деликатной, порой даже шутиливой форме.

На рубеже 1893 — 1894 гг. Плеханов пережил еще один тяжелейший душевный кризис. Неожиданно заболела менингитом и умерла пятилетняя Машенька. За дни болезни и похорон дочери Георгий Валентинович постарел лет на десять, осунулся, сторбился. Он не плакал, был молчалив, внешне спокоен, хотя в душе у него клокотал настоящий ад. Плеханов был особенно нежен с женой и старшими дочерьми, но чувствовалось, что он находится на пределе своих сил. Трудно сказать, смог ли бы он устоять перед вызовом судьбы без поддержки друзей. П. Б. Аксельрод, разделивший горе друга, написал ему письмо, в котором называл Плеханова «избранником истории» и умолял его крепиться и помнить о своем высоком предназначении. В ответ Георгий Валентинович написал Аксельроду 23 января 1894 г.: «Твое выражение «избранник истории» заставляет меня смеяться. Как убедиться в том, что такой-то человек был избран историей? Это возможно *только* по отношению к *прошедшему*, а по отношению к настоящему это бессмысленно, и только хвастуны и плуты могут смотреть на себя сквозь столь лестные очки. А я, я, вероятно, просто неудачник, годный теперь только в помойную яму... Я болен, не знаю чем, должно быть отчаянием, и, право, таков, как я теперь, я никуда не похвастусь; следовательно, о чем же толковать? Выжатый лимон надо выбросить в помойную яму и забыть его поскорее, вот и все. Твоя вера в меня делает честь твоему идеализму... и если она продолжится, она будет смешна: кто идеализирует выжатые лимоны! Теперь я болен, и вообще мое положение скверно, а что дальше — неизвестно»².

На помощь снова пришло испытанное средство — работа. Уже 2 марта 1894 г. Плеханов писал В. Либкнехту: «Я не буду больше касаться постигшего меня несчастья. Я много страдал, но главное — это то, что я в состоянии сейчас приняться за работу, а раз человек может работать, то он еще не погиб духовно»³.

В 1894 г. в Германии была издана брошюра Плеханова «Анархизм и социализм», написанная по заказу правления германской социал-демократии. Партии II Интернационала уже давно были обеспокоены ростом анархистских настроений в Западной Европе. Что касается самого Плеханова, который отдал в молодости дань

¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. М., 1988. Ч. 2. С. 92—94.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 94.

³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. С. 122.

увлечения одной из разновидностей анархизма — бакунизмом, то у него давно уже зрела мысль «отомстить» Бакунину за его нападки на Маркса и Энгельса. Несовместимость марксизма и анархизма была настолько очевидна, что Плеханов, не раздумывая, принял предложение, полученное из Германии. Он проанализировал взгляды «отца анархии» Макса Штирнера, Прудона, Бакунина и их последователей, включая Кропоткина. Конечно, Плеханов не исчерпал в своей брошюре всех аспектов темы, в том числе и вопроса об отношении пролетарской революции к государственной власти, но и того, что он написал, было достаточно, чтобы его объявили «пожирателем» анархистов. Брошюра Плеханова трижды издавалась на немецком языке, была переведена на английский, французский, итальянский, венгерский и болгарский языки, и повсюду имела большой успех.

Между тем в первые месяцы 1894 г. стала вырисовываться реальная угроза высылки Плеханова теперь уже из Морнэ. После того как на Цюрихском конгрессе II Интернационала он позволил себе откровенно осудить франко-русский союз, французская полиция стала преследовать русского эмигранта. На квартире Плеханова был устроен обыск. Каждый день можно было ожидать приказа покинуть Морнэ.

Плеханов всерьез стал подумывать о том, чтобы переехать в Болгарию или даже в Соединенные Штаты Америки, куда его приглашал Сергей Ингерман — единственный вновь принятый член группы «Освобождение труда», который стал одним из организаторов «Русского социал-демократического общества» в США. Однако Америка была слишком далеко от России, и на семейном совете Плехановы решили, что ехать туда не стоит. Обсуждался также план переезда в Англию и даже на остров Ява. Пока же Георгий Валентинович нелегально вернулся в Женеву. Но уже в июле 1894 г. он вместе с Засулич тайно отправился в Лондон, где жил его старый друг С. М. Кравчинский. Летом того же года там состоялись последние личные встречи Плеханова с Энгельсом.

В Лондоне Плеханов вновь встретился и с Александром Потресовым, который предложил ему подготовить книгу с изложением основ марксизма для легального издания в России. Предложение было неожиданным, срок работы — предельно коротким, замысел издания — дерзким, но Плеханову идея Потресова понравилась. К тому же у него был уже собран большой подготовительный материал: с 1892 г. он работал над второй частью книги «Наши разногласия» с критикой либеральных народников и прежде всего кумира тогдашней русской интеллигенции и студенческой молодежи, редактора журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловского. Кроме того, в письменном столе у Плеханова лежали главы для «Истории социалистического движения во Франции», заказанной ему Каутским. Этого задела оказалось достаточно, чтобы буквально за несколько недель подготовить книгу с кратким изложением истории

марксизма, сущности его философии и одновременно с критикой взглядов либеральных народников.

Работа шла быстро. Потресов переписывал рукопись сам, чтобы в случае осложнений на границе сказать, что это его собственная будущая книга. В середине октября он покинул Лондон, увозя с собой почти всю плехановскую монографию. Недостающую часть Плеханов выслал ему вскоре по почте. Был выбран и изящный литературный псевдоним — Н. Бельтов, и длинное, довольно неуклюжее, но «проходное», с точки зрения царской цензуры, название — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В январе 1895 г. книга Бельтова, довольно легко проскочив цензуру (помогла некоторая неразбериха, царившая в правительственных канцеляриях в связи со смертью и похоронами Александра III), появилась на прилавках петербургских книжных магазинов. Ее тираж составлял 2 тыс. экз.

В 1917 г., когда готовилось новое издание книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов разъяснил, почему он вынужден был дать своей работе такое нарочито туманное название. Проще всего было бы назвать ее «В защиту материализма», но тогдашняя царская цензура терпеть не могла этого слова, и Плеханов решил замаскировать основное содержание своего труда малопонятным непосвященному сугубо академическим заголовком¹.

В работе Плеханова собран богатейший материал, показывающий, что исторический материализм Маркса и Энгельса возник на базе идей французских материалистов XVIII в. историков эпохи Реставрации, социалистов-утопистов и немецких философов-идеалистов первой половины XIX в. При этом Плеханов знакомил читателей с основными положениями марксистского диалектико-материалистического взгляда на историю, что имело огромное значение для распространения марксизма в России. Он многократно цитировал Маркса и Энгельса, сочинения французских энциклопедистов XVIII в., Гегеля, Сен-Симона, Чернышевского, Дарвина. Богатейший подстрочник пестрит ссылками на книги, изданные на французском, немецком, английском языках, не говоря уже о многочисленных работах русских авторов.

«Монистический взгляд...» — сугубо полемическое, «задорное», по выражению самого Плеханова, произведение. Автор был убежден, что без борьбы в области идеологии не рождается ничего нового, и прав был В. Г. Белинский, когда писал в свое время: «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия — дело святое, и горе тому, кто не боролся»². Во времена Плеханова одним из самых больных общественных вопросов, которые, говоря слова-

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 3—4.

² Там же. С. 4.

ми того же неистового Виссариона, «смущают покой ночной, отравляют пищу, кипятят и прохлаждают кровь», стал вопрос о судьбах капитализма в России.

Полемизируя с народническими публицистами во главе с Н. К. Михайловским, Плеханов на основе анализа материалов, характеризующих российскую действительность 80–90-х годов XIX в., делал вывод: у нас нет данных, позволяющих надеяться на то, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 г. Стараясь донести до читателей суть разногласий между народниками и марксистами, он использовал несколько необычный в серьезной научной книге прием, включив в текст сказку о «добром молодце», в котором легко угадывался типичный русский народник. «Привели доброго молодца, — пишет Плеханов, — в каменный острог, посадили за запоры железные, окружили стражей неусыпной. Добрый молодец только усмехается. Он берет заранее припасенный уголек, рисует на стене лодочку, садится в нее и... прощай, тюрьма, прощай, стража неусыпная, добрый молодец опять гуляет по свету белому. Хорошая сказка! Но... только сказка. В действительности нарисованная на стене лодочка еще никогда, никого и никуда не уносила. Уже со времени отмены крепостного права Россия явно вступила на путь капиталистического развития. Гг. субъективисты прекрасно видят это, они сами утверждают, что старые экономические отношения разлагаются у нас с поразительной, все более и более увеличивающейся скоростью. Но это ничего, говорят они один другому: мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридесятое царство. Гг. субъективисты хорошие сказочники, но... «вот и все!». Вот и все, — а ведь этого страшно мало, и никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями»¹.

Хотелось бы обратить внимание и еще на одну характерную особенность книги Плеханова, связанную с решительным осуждением автором всякого рода вульгарных толкований марксизма. Не надо думать, писал Плеханов, будто человечество похоже на ту чиновницу из рассказа Глеба Успенского, которая даже в предсмертном бреде повторяла главную заповедь своей жизни: «В карман норови, в карман». Марксизм, подчеркивал он, отнюдь не отрицает значения идей и идеалов, а лишь старается выявить те общественно-экономические причины, которые вызывают их появление именно в ту, а не в другую историческую эпоху. Диалектический материализм — это отнюдь не фатализм, а философия действия, ибо, познав объективные законы, по которым живет человек, он может обуздать их, сделав «необходимость послушной

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. I. С. 713.

работой разума». Развивая эту мысль, Плеханов в полемике с Михайловским, который жаловался, что марксизм «приговаривает Россию к капитализму», подчеркивал: диалектический материализм никаких стран ни к чему не приговаривает и не указывает пути, обязательного для всех народов. Развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри него, и поэтому «всякому серьезному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучить прежде всего это соотношение; только такое изучение и может показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества»¹.

Книга Бельтова произвела огромное впечатление на читающую публику и сыграла поистине выдающуюся роль в пропаганде марксистских идей в России. Целое поколение русских марксистов после знакомства с «Монистическим взглядом...» признало Плеханова своим учителем. Что привлекало тогдашнюю молодежь в книге Плеханова? Несомненная научность и логичность изложения, убежденность автора в существовании объективных закономерностей исторического процесса и распространении их на Россию, его бескомпромиссное западничество. Как пишет известный американский историк Л. Хеймсон, из «Монистического взгляда на историю» молодые читатели Плеханова «могли вынести не только мысль о неизбежности того развития, посредством которого Россия присоединится к дороге западных наций и в конце концов пойдет к социализму, но и убеждение, что они сами, в силу более высокой сознательности, были «избраны» действовать в качестве агентов по претворению в жизнь этих неизбежных исторических законов»².

Сейчас к этой работе Плеханова обращаются в основном лишь специалисты, да и сам термин «монизм», означающий признание основой всех явлений мира какое-то одно, либо материальное (как у Плеханова), либо духовное начало, не пользуется особой популярностью, все чаще уступая место методу так наз. многофакторного анализа, призывам к синтезу марксистских и немарксистских подходов или к полному отказу от доктрины Маркса. Проще говоря, современные российские обществоведы склонны в какой-то мере вернуться к идеям Н. К. Михайловского и других оппонентов Плеханова, считая их пресловутый «субъективизм» более надежным инструментом познания общественных явлений, чем марксизм (особенно в его поздней, вульгаризированной форме) с его пятичленным формационным делением истории человечества и классово-партийным подходом ко всем историческим процессам, грешившим порой еще большим субъективизмом и отходом от принципов подлинной научности.

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 691, 707–708.

² Хеймсон Л. Меншевиизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 7–8. С. 174.

В общем и целом подобную ситуацию можно объяснить реакцией на былую монополию марксистских, а чаще квазимарксистских догматов в советском обществоведении. Разумеется, как это уже было в 1920—1930-х годах, когда марксисты ниспровергали так наз. дворянско-буржуазную науку об обществе, дело опять не обходится без полемических передержек и конъюнктурщины, причём идущие на смену историческому материализму теории мировых цивилизаций, евразийства и т. д. разработаны пока явно недостаточно. Так или иначе, спешка и бескомпромиссность были бы здесь, видимо, неуместны.

Можно лишь гадать, как отнесся бы герой этой книги к тому, что происходит в отечественном обществоведении сто лет спустя после выхода в свет его «Монистического взгляда...» Скорее всего он в очередной раз предал бы анафеме любые сомнения в истинности марксизма и безжалостно высмеял бы его критиков. Но не будем забывать, что для диалектического метода, которому Плеханов всегда поклонялся, нет ничего святого, незыблемого, «вечного», «абсолютного». Это относится и к марксизму, хотя сам Георгий Валентинович — надо отдать ему должное, — умел наполнять марксистские схемы богатым конкретно-историческим содержанием, а в области русской истории старался соединить Маркса с Ключевским и Соловьёвым, за что не раз подвергался потом суровой критике в советское время.

Отвергая сегодня былые претензии марксизма на истину в последней инстанции и универсализм и признавая необходимость критического подхода к трудам его последователей, включая и Плеханова, мы должны признать, что в качестве методологии истории он имеет тем не менее немало сильных, привлекательных сторон и достаточно убедительно объясняет очень многое (хотя и далеко не все) в событиях нового и новейшего времени.

Что касается конкретной полемики Плеханова с Михайловским, Даниельсоном, Кривенко и другими народниками, то сегодня позиция «отца» русского марксизма представляется нам уже совсем не столь бесспорной, как прежде. В сущности говоря, настоящей научной дискуссии с Н. К. Михайловским, например, у Плеханова явно не получилось, причём в ряде случаев он либо не понял, либо сознательно исказил точку зрения своего оппонента. Как писал Н. К. Михайловский в «Русском богатстве» в своем ответе на критику Плеханова, «Г. Бельтов человек талантливый и не лишенный остроумия, но оно, к сожалению, часто переходит у него в неприятное шутовство»¹. Михайловский упрекал Плеханова, в частности, в том, что тот исказил его взгляды на «героев» и «толпу», неправомерно отождествив последнюю с народом, односторонне представил его теории прогресса и т. д. «Г. Бельтов вообще говорит о многом

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 8. Стб. 18.

ненужном и умалчивает о многом нужном»¹, — замечал Михайловский, который под пером Плеханова превратился из талантливого и яркого публициста с целой системой продуманных и выстраданных, хотя и не бесспорных взглядов в претенциозного мелкого верхогляда, замахнувшегося на «самого» Маркса. Так или иначе, в книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в его статье «Несколько слов нашим противникам» (с ответом на возражения Михайловского), мы, к сожалению, не найдем ни объективных оценок творчества крупнейших народнических публицистов, ни беспристрастного изложения всей совокупности их взглядов. Вот почему разговор о «субъективной школе» в отечественной социологии конца XIX в., думается, еще далеко не закончен².

Заметим, что к нашумевшему в свое время спору о «героях» и «толпе», затронутому в «Монистическом взгляде на историю», Плеханов вернулся через несколько лет, в 1898 г. в одной из самых известных своих статей, называвшейся «К вопросу о роли личности в истории» и опубликованной в легальном петербургском журнале «Научное обозрение». На материале из истории Франции (Людовик XV, маркиза Помпадур, Наполеон) он развивал здесь мысль о том, что выдающиеся личности — это лишь более или менее талантливые актеры в том большом всемирно-историческом театре, где царит объективная необходимость и строгая закономерность. Плеханов был убежден, что отдельно взятая человеческая личность может изменить лишь индивидуальную физиономию событий, но не общее направление исторического процесса, которое определяется прежде всего развитием материального производства и социокультурной средой, существующей в каждой стране или группе стран. Иначе говоря, даже самый выдающийся деятель далеко не всесилен и является в конечном счете лишь исполнителем воли своей партии, класса, нации, государства, хотя в этих пределах от его способностей, воли и моральных качеств зависит очень и очень многое.

Те, кто придерживаются материалистического понимания истории, находят эту схему вполне разумной, и для них современная корректировка взглядов Плеханова по данному вопросу сводится лишь к некоторой перестановке акцентов в сторону признания большей независимости выдающейся личности от окружающего ее социума. Вместе с тем широко распространены и прямо противоположные взгляды на роль «героев» как подлинных творцов истории, подчиняющих себе «толпу» и выполняющих при этом Божественную волю или волю дьявола, что, естественно, отрицал материалист и атеист Плеханов.

¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Стб. 32.

² См., например: Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Н. К. Михайловский и К. Маркс: диалог о «русском пути» // Отечественная история. 1996. № 6.

Хотелось бы лишь подчеркнуть, что при всем своем монизме и историческом детерминизме Плеханов отвел крупной, богато одаренной личности довольно значительное место во всех сферах общественной жизни. Правда, он ограничился в основном рассмотрением тех случаев, когда эта личность верой и правдой служила общественным потребностям своего времени, а не вставала стеной на их пути. Мало касался Плеханов морально-этической стороны проблемы «героев», которая все больше выдвигается сегодня на первый план. В итоге плехановская статья «К вопросу о роли личности в истории», конечно же, дает ответы далеко не на все вопросы, волнующие современного читателя. Однако и сегодня пройти мимо нее невозможно, хотя занимают нас уже судьбы совсем иных персонажей — Ленина, Сталина, Гитлера и т. д.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести здесь яркую, очень образную характеристику, которую дает Плеханов выдающимся историческим личностям, двигающим вперед человеческий прогресс. Соглашаясь с известным английским историком и публицистом XIX в. Томасом Карлейлем, назвавшем великих людей «начинателями», Плеханов писал: «Это очень удачное название. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила»¹.

И еще одну очень важную и обычно остающуюся как бы за кадром мысль Плеханова, высказанную в той же работе, хотелось бы здесь напомнить: «И не для одних только «начинателей», не для одних «великих» людей открыто широкое поле действия, оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие великий есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя»².

В феврале 1896 г. в Петербурге увидела свет еще одна книга Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.). Критический этюд», содержание которой было тесно связано с содержанием работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». На этот раз Плеханов выступил в легальной

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. II. С. 333.

² Там же. С. 334.

печати под псевдонимом А. Волгин, а тираж книги составил 3 тыс. экз.

Плеханов поставил здесь задачу показать несостоятельность народнических взглядов на перспективы экономического развития России на базе «народной промышленности», минуя капитализм. Он писал о прогрессирующем разложении крестьянской общины, доказывал, что народники ошибаются, говоря об отсутствии у русского капитализма необходимых внутренних и внешних рынков. В известном смысле книга Плеханова подготовила почву для появления в недалеком будущем известной ленинской работы «Развитие капитализма в России».

В целом первая половина 90-х годов оказалась для Плеханова очень плодотворной. Завершился, наконец, и период его скитаний и материальной нужды. Литературные гонорары Георгия Валентиновича и заработка Розалии Марковны, ставшей дипломированным врачом и открывшей в Женеве собственную практику, позволили семье Плеханова забыть о былых лишениях.

В июле 1894 г. доктор Розалия Боград поселилась с детьми на женеvской улице Кандоль в доме № 6. Улица была названа в честь крупного ученого-ботаника П. Кандоля, а рядом с домом № 6 находился один из входов в аудитории Женевского университета. Совсем рядом было кафе Ландольта, где постоянно собиралась русская студенческая молодежь, за которой бдительно следили агенты швейцарской и русской полиции. В квартире на улице Кандоль, состоявшей из нескольких комнат, у Георгия Валентиновича впервые в жизни появился, наконец, свой рабочий кабинет. Его стены, оклеенные светлыми, золотистыми обоями, опоясывали высокие книжные полки. Письменный стол кустарного изготовления тоже был очень простым. Рабочие тетради и записи Плеханова хранились в небольшом шкафчике, а рукописи и домашний архив — в стенном шкафу. Кабинет соединялся с альковом, где размещалась и часть библиотеки. Деревянное кресло, несколько стульев и кушетка дополняли обстановку комнаты. У Розалии Марковны тоже был свой кабинет, где она принимала пациентов. Эту женеvскую квартиру Плехановы не меняли уже до отъезда в Россию весной 1917 г., а обстановка кабинета и библиотека находятся ныне в Доме Плеханова в Петербурге.

Когда выяснилось, что в Лондоне для Розалии Марковны вряд ли найдется работа, вопрос о переезде всей семьи в Англию отпал сам собой, и швейцарские друзья помогли Плеханову добиться сначала временного, а через десять лет, в 1904 г. и постоянного разрешения на проживание в Женеве. Поэтому новый, 1895 год встречали в новой квартире уже всей семьей. Плеханов вернулся из британской столицы бодрым и оживленным. Он много рассказывал о встречах с Энгельсом и дочерью Маркса Элеонорой Эвелинг, которая переводила на английский язык брошюру Плеханова «Анархизм и социализм» и находила, что стиль ее автора чем-то

похож на стиль Маркса¹. Предметом особой гордости Георгия Валентиновича стал привезенный из Лондона третий том «Капитала» с надписью: «Товарищу по борьбе — Плеханову. Ф.Энгельс. Лондон. II.XII.1894».

В жизни Плеханова и его семьи начиналась более счастливая, хотя и далеко не безоблачная полоса. Новый этап начинался и в развитии русского марксизма: он входил в моду, приобретал все новых и новых сторонников, получил некоторые возможности для легального распространения. Более реальными становились и перспективы создания в России марксистской рабочей партии, о которой так мечтал Плеханов.

---

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 399—401.